

ПЕРСПЕКТИВЫ ХЛОПКОВОДСТВА В ПРИКАСПИЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ ИРАНА В ОЦЕНКАХ ЧИНОВНИКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2023

Ларин А.Б.^{1,2}

¹Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Российская Федерация)

²Московский государственный институт международных отношений (университет)

(г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена оценкам перспектив развития хлопководства в Астрабадской и Мазандеранской провинциях Каджарского Ирана государственными деятелями Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны. Предвоенные годы характеризовались активизацией российской политики в регионе. Среди прочего, при активном участии консульства в Астрабаде происходит становление крупного русского землевладения в прикаспийских провинциях и развитие крестьянского переселенчества в крае. Хлопок рассматривался в качестве одной из главных, перспективных культур для разведения в образовавшихся хозяйствах, при этом – наиболее интересной с точки зрения решения стратегических задач России по обеспечению ресурсной независимости страны. Данная проблематика относится к числу малоисследованных в существующей историографии. На основе архивных и опубликованных источников исследуются взгляды на проблему хлопководства чиновников Министерства иностранных дел, Переселенческого управления. Показано, что ввиду благоприятных природно-климатических условий края, его природных богатств перспективы разведения хлопка для русского рынка выглядели многообещающими. Отмечена связанность в представлениях чиновников Переселенческого управления успехов хлопководства с развитием русского крестьянского переселенчества, влияние на их суждения идей «цивилизаторской миссии» России.

Ключевые слова: Астрабад; Мазандеран; Переселенческое управление; переселенчество; хлопок; хлопководство; цивилизаторская миссия.

PROSPECTS OF COTTON GROWING IN THE CASPIAN PROVINCES OF IRAN IN THE ASSESSMENTS OF OFFICIALS OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE EVE AND DURING THE FIRST WORLD WAR

© 2023

Larin A.B.^{1,2}

¹Institute of World History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

²Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russian Federation)

Abstract. The article is devoted to the assessment of the prospects for the development of cotton growing in the Astarabad and Mazandaran provinces of Qajar Iran by the statesmen of the Russian Empire on the eve and during the First World War. The pre-war years were characterized by the intensification of Russian policy in the region. Among other things, with the active participation of the consulate in Astarabad, the formation of large Russian land ownership in the Caspian provinces and the development of peasant resettlement in the region is taking place. Cotton was considered as one of the main promising crops for breeding in the established farms, while it was the most interesting from the point of view of solving Russia's strategic tasks to ensure the country's resource independence. This problem is one of the little-studied in the existing historiography. On the basis of archival and published sources, the views of officials of the Ministry of Foreign Affairs and the Resettlement Department on the problem of cotton growing are investigated. It is shown that due to the favorable climatic conditions of the region and its natural resources, the prospects for cotton cultivation for the Russian market looked promising. The connection in the ideas of the officials of the Resettlement Department of the success of cotton growing with the development of Russian peasant resettlement, the influence of the ideas of the "civilizing mission" of Russia on their considerations is also noted.

Keywords: Astarabad; Mazandaran; Resettlement Department; resettlement; cotton; cotton growing; civilizing mission.

Многоуровневый характер имперской экспансии, ее мультивекторность и несводимость к одной цели хорошо известны. Исследователи уже достаточно давно обратили внимание на то, что ее нельзя объяснить только экономическими мотивами (что было характерно, скажем, для марксистской историографии), оставив в стороне интересы другого рода: националистические, политические и т.д. [1, с. 17]. В то же время было бы ошибкой совершенно исключать экономические интересы из общего анализа. Разумеется, различные соображения о перспективах хозяйствен-

ного освоения тех или иных территорий, которые являлись или могли стать объектом имперской политики, принимались во внимание и серьезно анализировались. Особое значение это имело, когда речь шла о возможности приобретения дефицитных стратегических ресурсов.

Одним из ресурсов такого рода в XIX – начале XX столетия являлся хлопок. Среди сельскохозяйственных культур хлопчатник занимает одно из важнейших мест, используется в различных областях промышленности: текстильной, химической, пище-

вой, сельскохозяйственной [2, с. 21]. Широкое применение находит хлопок в военном деле. При этом ареал распространения хлопчатника преимущественно расположен в тропических и субтропических землях. Для Российской империи, как преимущественно северной страны, вопрос обеспеченности хлопком был весьма важным и актуальным и находился в фокусе внимания различных государственных структур. После присоединения территорий Средней Азии во второй половине XIX века на этот регион стали возлагать большие надежды по обеспечению хлопковой независимости России. Осуществлялись разнообразные меры по развитию этой культуры в крае [3]. Однако помимо Туркестана были и другие территории, представлявшие перспективными для хлопководства.

К таким областям относились и североиранские провинции – Астрабадская и Мазандеранская. После заключения российско-британского договора 1907 г. политика в этом регионе активизируется: как Петербург, так и представители на местах ищут новые формы укрепления влияния и позиций в крае. Одной из таких форм становится скупка земель и поощрение российского крестьянского переселенчества в регион. Особенно активно эти процессы стали развиваться незадолго до Первой мировой войны и в первые годы после ее начала. Немалую роль в этом сыграл и русский консул в Астрабаде (совр. Горган) К.В. Иванов. В столице заинтересовались вопросом и, в конечном счете, было выработано решение о необходимости поощрения соответствующих мероприятий. К делу было подключено Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ, с 1915 г. – Министерство земледелия), направившее своих чиновников для исследования ситуации на местах и помощи переселенцам.

Происходившие процессы нашли отражение в переписке между чиновниками разных уровней и учреждений имперского государственного аппарата, в прессе, публицистике и проч. Активизация политики в регионе требовала обоснования, и они появились во множестве – фигурируют как в дипломатической переписке, так и в опубликованных работах. Достаточно широкий круг источников позволяет составить представление о том, в чем виделась ценность для Империи освоения (в различных отношениях) Прикаспийских провинций [4]. Обращение к существующим источникам позволит лучше понять российскую политику в регионе в данный период.

При этом надо отметить, что соображения экономического толка играли весьма существенную роль. Выгоды от хозяйственного освоения северных провинций Ирана, прежде всего сельскохозяйственного, всячески подчеркивались. Авторы донесений, записок, отчетов, опубликованных работ отмечали благоприятные природно-климатические особенности края для разведения тех или иных культур, например, субтропических и тропических растений, богатство лесных ресурсов *etc.*

Среди прочего, особое внимание уделялось потенциалу разведения хлопчатника. Большой сторонник активизации российского проникновения в Прикаспийские провинции консул в Астрабаде К.В. Иванов не раз излагал свои соображения на этот счет в донесениях в МИД. Так, в 1912 г., перечисляя богатства края и возможности их использования, он отмечает: «Но если бы даже, вопреки ожиданиям, культура тропических и субтропических растений оказа-

лась невозможной или маловыгодной, то один хлопок вполне оправдал бы наши заботы о крае. Культура этого продукта, важность коего для России так ярко доказал наш недавний конфликт с Америкой, захватывает в Мазандеране все большие и большие площади, а в Астрабаде имеет все шансы возрасти во много раз» [5, л. 116]. Он сообщает, что местные почвы вполне подходят для культивирования хлопчатника, причем особое внимание обращает на территорию между р. Атрек (по которой проходила российско-иранская граница) и протекающей южнее р. Горган. Причем консул строит весьма амбициозные планы на перспективу, предполагая возможность развития систем орошения, гидротехнических сооружений:

«Если же, далее, восстановить древние плотины, как это делает теперь голландская компания на Каруне, дабы орошать весь Хузистан, и попытаться оросить всю туркменскую степь от Гюргена до Атрека, почва которой еще лучше, но, к сожалению, не обеспечена осадками, то мы, надо думать, были бы навсегда освобождены от хлопковой зависимости от Америки» [5, л. 116 об.]. В пространном секретном донесении от 16 декабря 1913 г., в котором консул весьма детально разбирает проблемы и перспективы освоения Астрабадской и Мазандеранской провинций, он обращает внимание на возможность интеграции этих областей и российской Средней Азии в единый хозяйственный комплекс, отмечая двоякую роль региона. С одной стороны, эти земли при надлежащем использовании могли бы служить «житницей для бедной водой Закаспийской Области и для Туркестанского Края, плодородные площади земли коего, в случае получения дешевого хлеба отсюда, могли бы быть использованы еще в больших размерах под культуру хлопка» [5, л. 137]. С другой – консул опять обращает внимание на самостоятельное значение региона, «в смысле использования теплого, влажного, богатого осадками климата этих провинций и их богатой почвы для культуры высокоценных субтропических и даже тропических растений и в особенности хлопка, без надлежащего количества коего Россия всегда будет находиться под риском поставить свою мануфактурную промышленность в критическое положение, грозящее крахом многих предприятий и потрясением всей ее экономической жизни» [5, л. 137].

Эти соображения консула, наряду с другими, как экономическими, так и политическими, военно-стратегическими, внимательно изучались в МИД. В целом образ действий Иванова, его подходы к приобретению земель в регионе, стимулированию переселенчества и проч. получили одобрение со стороны министерства [6, с. 324]. Конечно, С.Д. Сазонов глядел на проблему в целом, однако ясно, что вопрос развития хлопководства и обеспечения хлопковой безопасности принимался во внимание. Поднятые Ивановым вопросы требовали привлечения и иных структур. Так, активную роль в дальнейшем развитии российского землевладения и землепользования в Иране должно было сыграть ГУЗиЗ. Было принято решение о направлении двух чиновников ведомства в Прикаспийские провинции с целью исследования ситуации на местах и оказания помощи переселенцам [7, л. 25]. Один из них – служивший по Переселенческому управлению Б.В. Бессонов (известный художник-пейзажист) опубликовал работу, содержащую впечатления чиновника от посещения регио-

на и его представления о перспективах его освоения. Эта работа – «Русские переселенцы в Северной Персии» – заслуживает особого внимания, поскольку ее автор, в отличие от многих других, видит не только многообещающие перспективы, но и многочисленные сложности и проблемы, которые предстоит преодолеть в ходе освоения края. Естественно, он уделяет существенное внимание и перспективам хлопководства. В своих рассуждениях о сельскохозяйственных растениях Бессонов подчеркивает, что эта культура является наиболее важной из них, обладающей наибольшим значением для промышленности провинции.

Чиновник, однако, сразу замечает, что необходимо разделять культуру хлопка орошаемого и выращиваемого без полива. Сообщив, что первый «везде одинаково хорош», он переходит к более сложным рассуждениям о втором. Причем Бессонов констатирует, что «разрешение вопроса о возможности разведения хлопка без полива, как имеющего важное значение для колонизации края, требует особой внимательности». Исходя из его наблюдений, говорить о возможности выращивать хлопок без орошения на всей территории Северной Персии не приходится. «Действительно, встречаются прекрасные хлопки без полива, но наряду с ними встречаются и очень плохие и, если разобрать хорошенько, на каких местах растут хорошие, всегда окажется, что места эти имеют особые условия». Соответственно и урожаи сильно колеблются в зависимости от условий влажности, «в то время как в одних местах хлопок, развивая множество цвета, достигает почти роста человека, в других он представляет собою жалкие, редкие кустики с кое-где видными цветками» [8, с. 22].

Разбирая условия и результаты выращивания культуры без полива в отдельных хозяйствах и местностях, Бессонов показывает, что хороший хлопок, выращенный без орошения, так или иначе, произрастал в местностях с повышенной в результате тех или иных причин влажностью [8, с. 22–24]. Он отдельно отмечает, что иранцы весь свой хлопок поливают, без полива же все культуры могут расти исключительно в горах, где имеется достаточное количество влаги. Таким образом, его общий вывод состоит в том, что для получения гарантированного урожая необходимо орошение [8, с. 24]. При этом, при должном поливе, урожайность достигает 200 пудов с десятины, особенно благоприятным обстоятельством является высокая температура осенью, отсутствие заморозков, в результате чего все коробочки успевают дозреть. «Это условие делает Астрабадскую провинцию более благоприятной для разведения хлопка, чем Туркестан, где нередко бывают случаи, когда развитые последними коробочки не успевают вызреть». Он добавляет, что, по слухам, в отдельные годы бывает явление вторичного цветения и созревания хлопка [8, с. 24–25].

Чиновник обращает внимание и на текущее состояние хлопководства в провинции, отмечает, что, несмотря на хороший урожай, общее его состояние находится на низком уровне. Это связано с несколькими причинами: низкое качество местного хлопка, что обусловлено как отсутствием семян хороших сортов, так и плохой очисткой; отсутствие конкуренции; отсутствие достаточного орошения. Впрочем, по его мнению, эти обстоятельства не являются непреодолимыми, в случае же разрешения обозначенных проблем «можно предвидеть, что хлопковой

промышленности Астрабадской провинции придется играть крупную роль» [8, с. 25]. Бессонов отводит ключевую роль орошению, утверждает, что «при орошении станет пригодна под хлопок и та часть степи, в которой при настоящих условиях нельзя и думать его разводить и которая является сейчас совершенно негодной ни для какой культуры» [8, с. 25]. Причем он отмечает, что в древности на этих степных территориях существовало развитое орошение. В качестве доказательства он приводит наличие в местности остатков древних гидротехнических сооружений, некогда орошавших огромные площади. Характерно, что упомянув эти грандиозные инженерные системы, он завершает раздел ориенталистской (Э. Саид) констатацией: «и сделано было это тем самым населением, которое в настоящее время не в состоянии не только соорудить что-либо подобное, но даже не может выстроить простого моста через речку» [8, с. 26]. Надо сказать, что такие пассажи – о неспособности местного населения и властей использовать ресурсы и потенциал края – достаточно часто встречаются в соответствующих текстах. Соображения такого рода служили важным обоснованием необходимости более активного российского проникновения в регион, стимулирования русского переселенчества, организации русских хозяйств и т.п. – в духе «цивилизаторской миссии» [1; 9; 10]. Вышеупомянутый консул Иванов, подчеркивая необходимость приобретения земель в Прикаспийских провинциях, писал, что, «разумеется, сами персы ничего не предпримут для поднятия края и без русских колонистов рассчитывать на его прогресс трудно» [5, л. 116 об.–117].

Весной 1916 г. Астрабадскую и Мазандеранскую провинции посетил сам начальник Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин. Результатом его поездки стал отчет, в котором он живописует богатства края и перспективы его освоения Россией. Чиновник уделяет внимание самым различным вопросам, и в том числе важное место в его отчете отведено хлопководству, применительно к которому он говорит о том, что «край этот обещает в скором времени стать важнейшим хлопковым производительным районом для русской хлопчатобумажной промышленности...» [11, с. 2–3] Причем в вопросе потенциальной пользы края для России именно этой культуре он отводит первостепенную роль: «Наше народное хозяйство по отношению к Астрабадской и Мазандеранской провинциям, как субтропическим странам, прежде всего ставит запросы по развитию здесь культуры хлопка» [11, с. 25].

В работе Чиркина обращают на себя внимание 2 момента. Во-первых, это более радужное видение перспектив хлопководства, нежели это есть в работе Бессонова, который, говоря о серьезных перспективах, не забывает отмечать и существенные сложности. Во-вторых, это тесное увязывание его развития в крае с поощрением и поддержкой русского крестьянского переселенческого движения. Он с большой легкостью и энтузиазмом приводит цифры как существующих поставок из Астрабада и Мазандерана на русский рынок, так и их потенциального роста. Чиновник сообщает, что в 1915 г. из этих провинций в Россию было поставлено до 2 млн пудов чистого хлопка [11, с. 25]. Дежурно отметив, что эта культура в регионе в последние годы быстро развивается, он пишет, что «даже кочевники туркмены и те за последние три года стали сеять хлопок без орошения. В

1913 году Туркменская степь дала на русский рынок 15 тысяч пудов чистого хлопка, в 1914 году она поставила 50 тысяч, а в 1915 году – 160 тысяч» [11, с. 26]. Чиркин анализирует ситуацию в различных областях Астрабадской провинции, с учетом их площади, природно-географических особенностей, населения, характера землепользования и проч. Этот анализ позволяет ему приводить возможные цифры производства культуры для каждой из них. Вот пример этих рассуждений: «Из 1.200.000 десятин Астрабадской провинции, состоящих за персидским населением, до 100 тыс. десятин уже теперь намечается под русское заселение и до 80 тысяч находится под персидскими деревнями. Если даже вовсе не учитывать 1 миллиона десятин персидских земель, приходящихся на склоны гор и леса, где культура хлопка также возможна, а принять в учёт только означенные 180 тыс. десятин, из которых 1/3 свободно может поступить под культуру хлопка, то и тогда эти земли могут дать до 3 миллионов пудов хлопка сырца, т.е. до 1 миллиона пудов хлопка чистого волокна» [11, с. 27].

Учитывая другие площади Астрабадской провинции (такие как Туркменская степь), Чиркин насчитал цифру потенциального объема готового продукта, которую она может ежегодно поставлять на русский рынок, – до 3 млн 800 тыс. пудов. Не меньшее количество, по его расчетам, могла давать и Мазандеранская провинция. «Итак, предвидимые хлопковые перспективы Астрабадской и Мазандеранской провинций по весьма умеренным расчётам обещают на русский рынок ежегодно от 7 до 8 миллионов пудов чистого волокна или новый продукт ценностью в 100–120 миллионов рублей» [11, с. 28]. Такие же цифры приведены в отчете о работах Переселенческого управления за 1915 г. [12, с. 312]. Таким образом, перспективы выделялись многообещающими. Даже сейчас производство хлопка в Иране достигает только порядка 5 млн пудов [13].

Интересно сравнить это с цифрами Бессонова, работа которого вышла в 1915 г. Он приводит число в 1 млн 800 тыс. пудов, поставленных со всей Персии, «из которых несколько более 2/10, а именно около 400.000 пуд., приходится на долю северо-восточного угла Персии, ввоз из которого составляет, таким образом, 1/62 часть всего русского хлопкового ввоза, равного 25.000.000 пудов» [8, с. 44]. Легко заметить, насколько более скромные объемы приводит Бессонов. Конечно, он пишет не о перспективах, а о фактах, тем не менее проект Чиркина предполагал рост объемов поставок хлопка из двух провинций практически в 20 (!) раз. Стоит сравнить сгенерированные начальником Переселенческого управления цифры и с общим объемом российского хлопкового импорта. Чиркин представил в отчете чрезвычайно заманчивые перспективы, однако их реалистичность вызывает сомнения.

Возникает естественный вопрос: за счет чего же рассчитывал Чиркин (впрочем, далеко не он один) добиться столь впечатляющего роста производства хлопка? Ответ на него будет состоять, по всей видимости, из двух частей. В первую очередь – это активное российское освоение региона, участие в его экономическом развитии и, конечно, всемерное поощрение крестьянского переселенчества. Подчеркивалось, что эти обладающие многими ценными ресурсами земли ждут «русских начинаний для созидательного накопления наших национальных богатств»

[11, с. 4]. Как было уже замечено, и Чиркин, и другие авторы делали акцент на том, что само по себе местное население и администрация не способны обеспечить полноценное развитие края и его ресурсов. В ходе командировки Чиркин, среди прочего, составил справку о свободных частновладельческих землях в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, «могущих быть приобретенными для русской колонизации под хлопководство и ценные культуры» [11, с. 46–48].

Общая площадь таких земель составила, по его подсчетам, 1 млн десятин. Эти земли чиновник предполагал заселить русскими крестьянами. Начальник управления подчеркивал, что дело приобретения земель нельзя пускать на самотек: в противном случае они будут скуплены крупными предпринимателями, для которых выгоднее заселять свободные земли не русскими крестьянами, а персами. Показательно, что среди прочих причин, по которым такая колонизация является неприемлемой, Чиркин отмечает и то, что как для самого предпринимателя, так и для иранского крестьянина самым выгодным, привычным и безубыточным является рисоводство. Надо сказать, эта ситуация во многом сохраняется и поныне [13]. «Но каждая вновь появляющаяся десятина риса прекращает возможность развести в будущем четыре десятины хлопка, так как для культуры риса требуется в четыре раза больше воды, чем для хлопка». Кроме того, рисоводство, при «хаотичности персидского водопользования», способствует распространению малярии, сильнее всего сказывающейся на русских переселенцах. Итак, для развития хлопководства в крае «русский элемент» выделялся предпочтительным [11, с. 29–30].

Стоит обратить внимание, что тот же Бессонов, при много большей внимательности к местным условиям и, соответственно, лучшем понимании (как, во всяком случае, следует из его текста) проблем развития хлопководства в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, в ключевых тезисах сходил с начальником Переселенческого управления. Он пишет о том, что при надлежащем отношении и с учетом природных условий, «ввоз хлопка из этого угла Персии может быть очень сильно повышен» [8, с. 44]. Но наиболее ярко вышедшие ему перспективы представлены в очень образном и патетическом заключении к работе. Метафорически обрисовав стихийный процесс русского переселенчества, он акцентирует внимание на том, что в случае Прикаспийских провинций подобный путь не подходит, в силу особого значения этих земель уже в настоящий момент. Так, использование богатств края, «в частности, возможность создания здесь крупного поставщика для смежных русских районов пшеницы и, частью, хлопка, – имеет для России существенно важное значение» [8, с. 88–89]. Показательно, что Бессонов продолжает свои рассуждения следующим образом: «Достигнуто же это может быть только путем заселения всего Каспийского побережья русскими, единственно которые способны, при данных условиях, обратить пустующие ныне земли в культурные, разведать и разработать совершенно неизвестные даже нам теперь ископаемые богатства горных хребтов, непрерывную цепью замыкающих пригодные под земледелие земли, изменить сложившиеся условия персидской жизни, полные неурядков и неопределенностей, и поднять общий уровень сельско-хозяйственной жизни туземного населения» [8, с. 89]. Здесь всё – и прямая экономическая выгода от осво-

ения провинций, причем тесно связанная с хлопководством, и «цивилизаторская миссия» русских крестьян. Из этого следует заключение, что колонизации нельзя предоставить развиваться естественным путем. Необходимо обеспечить широкую систему мер содействия переселенцам. Возвращаясь к хлопководству, подчеркнем, что Бессонов также напрямую связывает его успех с крестьянской колонизацией. О том же писали и другие [14, с. 56–61].

Глава Переселенческого управления, любитель делить шкуру неубитого медведя Чиркин, приводит свои расчеты производительности хлопка в условиях русской колонизации. По его подсчетам, на предполагавшейся к приобретению территории в 1 млн десятин должно было быть устроено более 50 тыс. хозяйств или свыше 300 тыс. переселенцев обоего пола. «Если только под хлопковые посевы будет обращена 1/4 этой земли, то она ежегодно будет давать до 5 миллионов пудов чистого волокна хлопка (50 п. $\times$ 250.000 = 12.500.000 пуд. сырца)». По его словам, осевшие без содействия правительства в Астрабадской провинции переселенцы на третий год засеивали в среднем по 7 десятин хлопка. Он экстраполирует эту среднюю посевную площадь, «заведомо недостаточно развитую», на 50 тыс. семейств, что уже на третий год должно дать до 350 тыс. десятин посевов хлопка, т.е. на 100 тыс. больше, нежели приведено выше. Таким образом, по его мнению, если исходить «даже из заведомо преуменьшенных исчислений, то с приобретением за 10 миллионов рублей миллиона десятин земли, не считая никаких других затрат, кроме хлопка, одного последнего будет поступать ежегодно на рынок на сумму от 60 до 75 миллионов рублей» [11, с. 33]. Для большей убедительности он тут же ссылается на слова инженера С.Н. Чаева, сказавшего председателю совета министров графу В.Н. Коковцову: «...дайте 500 миллионов рублей на орошение под хлопок, и вы сможете закрыть винную монополию» [11, с. 34]. Конечно, Чиркин приводит и множество других причин для активизации освоения Прикаспийских провинций, среди прочего особо останавливаясь на необходимости развития инфраструктуры, прежде всего – железных дорог, которые, «по мере развития хлопководства в Мазандеране и в Туркменской степи», соединят в итоге по южному берегу Каспия Закавказскую железную дорогу со Среднеазиатской [11, с. 40–41]. В «Заключении» Чиркин снова перечисляет многообещающие перспективы освоения Астрабада и Мазандерана, однако в качестве *condicio sine qua non* он пишет: «Для этого нам прежде всего необходимо закрепить здесь за собою пространство путём немедленного же отпуска средств на приобретение хлопковых земель» [11, с. 44].

Что же в реальности? В отчете о работах Переселенческого управления отмечается, что в 1914 г. полевое хозяйство переселенцев «переживало зачаточную ступень». Посевы имели менее половины хозяйств (42,8%), причем «больше половины сеющих хозяйств успели при этом засеять лишь незначительные клочки полей, не более 4 десятин в среднем каждое». У поселков не было воды для орошения, соответственно, посевы не поливались. Общая посевная площадь обследованных земель насчитывала 1005,8 десятин. При этом посевы хлопка составляли лишь 6,1% посевной площади. Большая часть земли была занята под пшеницу и ячмень (75,5%). Это объяснялось тем, что новые хозяйства стремились в

первую очередь обеспечить себя продовольственными и кормовыми культурами [12, с. 309]. Более детальные статистические данные приводит А.М. Сахаров [14, с. 35–36, 74–75]. Он, между прочим, сообщает и о том, что первые опыты переселенцев с хлопком оказались во многом неудачными. Это было вызвано и общим неурожаем 1914 г. в регионе, и допущенными ошибками: «С культурой неполивного хлопка никто не был знаком; многие и вообще хлопок сеяли впервые, а кто и занимался ранее хлопководством, тот был сбит с толку новыми почвенными и климатическими условиями; некоторые же неудачи вызывались необходимостью...» [14, с. 36]. Впрочем, по его словам, из этих ошибок были сделаны выводы.

Так или иначе, хорошо видно, что к 1914 г. ни о каких серьезных успехах хлопководства в переселенческих хозяйствах речи не шло. Впрочем, Чиркин, как указывалось выше, сообщил о том, что уже на третий год переселенцы засеивали в среднем по 7 десятин хлопка, однако эти цифры относятся уже к 1916 г. По его словам, весной 1916 г. переселенцы посеяли в среднем на хозяйство от 2 до 3 десятин пшеницы и по 7 десятин хлопка. Они обзавелись рабочими лошадьми, быками и рогатым скотом. Из этого начальник Переселенческого управления делает вывод: «Если в нынешнем году урожай хлопка будет удовлетворительный, то большинство русских переселенцев в Астрабадской провинции можно будет считать прочно устроившимися» [11, с. 21–22]. Сложно сказать, насколько эти воодушевившие Чиркина данные позволяют говорить об успехе освоения хлопководства переселенцами: данных за 1916 г. нет, а затем политические обстоятельства внутри России сделали эти вопросы неактуальными.

Несколько большее относительное количество земель под хлопок было отведено в частновладельческих хозяйствах – почти треть (32,7%) [14, с. 50]. Надо сказать, Сахаров подчеркивает, что это было связано с самим характером крупных экономий: «Персия притягивает к себе капиталистов главным образом своими перспективами в отношении культуры хлопка, и в частности неполивного» [14, с. 56]. В результате такие хозяйства изначально уделяли большее внимание развитию хлопководства.

Итак, приведенные цифры вполне отчетливо демонстрируют, что крестьянское переселенческое хозяйство к началу Первой мировой находилось еще в самом начальном периоде своего развития. Ни о каком масштабном производстве хлопка речи не шло. Более того, после начала войны и, соответственно, мобилизации, численность населения российских поселков сократилась. Негативно влияли на нее и другие факторы: малярия, возобновившиеся в годы войны туркменские набеги и т.д. И тем не менее в работах чиновников Переселенческого управления находим повторяющиеся тезисы о больших перспективах хлопководства в Астрабадской и Мазандеранской провинциях. Особенно ярко, как было показано, это проявлено в «Отчетной записке» начальника Переселенческого управления Г.Ф. Чиркина, опубликованной в 1916 г. Как видится, это может быть объяснено следующими факторами. Прежде всего – корпоративная заинтересованность в продолжении и росте государственной поддержки переселенчества, что в условиях реально не слишком выдающихся результатов первого периода колонизации могло быть обусловлено только богатыми перспективами, кото-

рые следовало обрисовать. Этим среди прочего объясняется и скепсис, критическое отношение к крупным русским землевладениям. Затем (что, впрочем, перекликается с первым) это тесная связанность крестьянской колонизации с решением более широких политических и стратегических задач в регионе [6, с. 321–326]. Наконец, нельзя не учитывать и того, что и в самом деле переселенческая колонизация в 1914–1916 гг. находилась еще на самом раннем этапе своего развития, и потому нельзя отрицать (в существовавших на тот момент демографических реалиях Российской империи, как и в описанных выше географических и климатических условиях Астрабада и Мазандерана) реальной возможности ее дальнейшего и успешного прогресса. События 1917 г. и крах Российской империи остановили его в самом начале.

Особо необходимо подчеркнуть, что вышеприведенные работы (как и другие тексты данной тематики) отчетливо показывают, что для государственных элит Российской империи при обсуждении вопросов освоения Прикаспийских провинций Ирана в экономическом отношении проблема развития в регионе хлопководства играла ведущую роль. Имеющиеся опубликованные и архивные материалы именно хлопок рассматривают в качестве главной перспективной хозяйственной культуры провинций. Более того, с учетом намерения интегрировать Астрабадскую и Мазандеранскую провинции в единый народнохозяйственный комплекс империи, даже производство здесь злаковых культур должно было служить для обеспечения ими Средней Азии, с тем чтобы там можно было отвести большие площади земель под культуру хлопка. Это в очередной раз показывает значимость проблемы обеспечения хлопковой независимости в представлениях государственных деятелей Российской империи.

Список литературы:

1. Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.
2. Дедов А.А. Хлопководство Российской Федерации: история, состояние и перспективы развития // Colloquium-Journal. 2020. № 17–2 (69). С. 21–23.
3. Брежнева С.Н., Богданова О.А. «Белое золото» Туркестанского генерал-губернаторства (попытка решения

проблем хлопководства в начале XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 45–60.

4. Ларин А.Б. «Новая Апельсиния»: апология провинковения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 6 (104). DOI: 10.18254/s207987840016274-0.

5. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 144. Оп. 489. Д. 240.

6. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу. Письмо № 86. 1 (14) февраля 1914 г. Доведительно // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 3. 1914–1917. Т. 1. М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. № 255. С. 321–326.

7. АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 497 б.

8. Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Петроград, 1915. 90 с.

9. Мирзеханов В.С. Идея превосходства и расовая иерархия во французской колониальной культуре [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5, вып. 4 (27). <https://history.jes.su/s207987840000720-1-1>.

10. Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Вульпиус. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

11. Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Петроград, 1916. 48 с.

12. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Петроград, 1916. 398 с.

13. Ирану необходимо ежегодно импортировать 100 тыс. тонн хлопка // Российское информационное агентство «Iran.ru» // https://www.iran.ru/news/economics/121186/Iranu_neobhodimo_ezhegodno_importirovat_100_tys_tonn_hloпка.

14. Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Петроград, 1915. 75 с.

Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Ларин Андрей Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Новой и Новейшей истории; Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Российская Федерация); участник консорциума «Глобальные исследования для глобальной России»; Московский государственный институт международных отношений (университет) (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: ab-larin@mail.ru.</p>	<p>Larin Andrey Borisovich, candidate of historical sciences, researcher of Modern and Contemporary History Department; Institute of World History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); member of the consortium «Global Research for Global Russia»; Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: ab-larin@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Ларин А.Б. Перспективы хлопководства в Прикаспийских провинциях Ирана в оценках чиновников Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 4. С. 140–145. DOI: 10.55355/snv2023124202.